

**Отзыв официального оппонента
на диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических
наук по специальности 5.6.1. Абидат Абдулаевны Газиевой
на тему «Государственные стратегии и региональные практики
в истории городского пространства Северо-Восточного Кавказа в конце
XVIII – середине XIX века (на примере города Кизляр)»**

Формирование городского пространства на Северо-Восточном Кавказе, исключительно сельском субрегионе до присоединения к Российской империи, – обширная и еще недостаточно изученная научная проблема. Она выходит на актуальный для современной историографии сюжет модернизации имперского пограничья. В этом отношении диссертация Абидат Абдулаевны Газиевой закрывает существенный пробел, предлагая посмотреть на проблему с точки зрения корректировки глобальных государственных проектов под влиянием повседневных региональных практик на примере одного из первых городов региона. Автор рисует живую и убедительную картину превращения крепости Кавказской линии в город Кизляр между концом XVIII и серединой XIX в. Диссертация продолжает исследования имперских городов-крепостей Н.Н. Гаруновой, других современных историков и их учителей, и удачно вписывается в современную отечественную историографию по урбанистике. Это – законченное и оригинальное исследование.

Хронология и географические рамки обоснованы убедительно. Складывание уездного города Кизляр с окружавшими его предместьем-форштадтом и казачьими станицами прослежено от расширения Кавказской линии на весь регион до окончания Кавказской войны. Великие реформы относятся к следующему периоду и логично составляют «верхнюю» временную границу исследования. Действительно, к 1860-м гг. Кавказская линия была упразднена, а административная карта региона полностью перекроена. Система власти и управления, экономика края тогда же существенно изменились, а города-крепости, включая Кизляр, потеряли военное значение. Историческая география исследования также корректна. К числу явных достоинств работы отнесу ее сравнительно-исторический ракурс. На протяжении всей диссертации разбираются параллели между Кизляром и другими городами, выросшими из крепостей Кавказской линии – Моздока (с. 70, 76, 91, 104-105, 128, 144), Владикавказа (с. 91, 144), Грозной (с. 64-65, 107-108, 120, 132, 143, 144). Не хватает только сравнения со Ставрополем, но ставропольских материалов использовано немало.

Собранные диссертантом источники верифицированы и обработаны. К сожалению, не вполне удачно изложена методология. Из Введения не понят-

но, что автор использует подходы изучения фронта и повседневности. В методологии на с. 7-9 они даже не упомянуты. Вместо этого говорится о «принципе историзма». Но это ничего не говорящая отговорка, переходящая из диссертации в диссертацию. Обычно ее приводят, когда у диссертанта нет ни методологии, ни теоретической базы, но как раз у А.А. Газиевой они имеются. Она изучает модернизирующееся городское пространство пограничья-фронта империи, выходя при этом на историю повседневности. Это и надо было отметить во Введении. Кроме того, стоило бы четче развести методы сбора и обработки источников. Вместе с тем, в разделе о методологии, верно, отмечены системный подход, сравнительно-исторический и ситуационный методы, действительно примененные в диссертации.

Работа получилась фундированной. Достаточно полно охвачены документы, статистика, законодательство, нарративные источники, включая художественную литературу XIX в. Однако обзор источников на с. 30-32 скомкан. Ему не хватает и четкой структуры. Верно отмечено, какую информацию несут те или другие фонды архивов, но нет необходимой критики источников. Не ясно, какие у разных групп источников недостатки и достоинства. Типологии источников по содержанию нет. Выделены только формальные группы: архивные, опубликованные, периодика. Не все использованные в работе источники охарактеризованы во Введении. В библиографии и в самой работе цитируются мемуары, беллетристика, а в обзоре этих типов источников нет. Процитированный в библиографии Ф. 381 Российского государственного исторического архива (РГИА, с. 76, 164), в обзоре источников также отсутствует. Замечу здесь же, что стоило бы здесь привести название этого фонда, чтобы сноска не была «глухой», ничего не говорящей, а в научный аппарат в конце диссертации поместить список сокращений.

Как востоковеду мне не хватило в диссертации тюркских документов, писем и хроник, опубликованных Г.М.-Р. Оразаевым. Автор справедливо пишет про важность восточных рукописей, введенных в научный оборот дагестанскими востоковедами (с. 29), но, к сожалению, не использует сделанных и прокомментированных ими переводов. Документы хорошо представлены в 2-томнике Оразаева «Памятники тюркоязычной деловой переписки в Дагестане» (2002, 2007), основанном на фонде Кизлярский комендант Центрального государственного архива Республики Дагестан (ЦГА РД). Многие из них адресованы комендантам Кизляра. Имеются также ответные письма российских властей крепости. Они хорошо обосновывают важный для диссертанта тезис о принадлежности Кизляра к общедагестанскому историко-культурному пространству. Из хроник не использована важная для 4-й главы «Тарих-и Кизляр-кала», изданная в «Дагестанских исторических сочинени-

ях» (1993 г.). Кроме устаревшей брошюры А. Беннигсена о шейхе Мансуре стоило бы использовать документы из книги С.Б. Манышева (2024).

Гораздо удачнее составлен обзор литературы. Следует отметить наличие в нем общих аргументированных характеристик дореволюционной, советской и постсоветской историографии (с. 14-16, 18-21, 23, 28-29). Довольно полно учтены кандидатские и докторские диссертации по тематике исследования. Здесь же имеются верные теоретические наблюдения. В частности о том, что фронт — это не «каток прогресса», цивилизовавший окраины из центра империи, как на материалах освоения американцами «Дикого Запада» доказывал Дж. Тёрнер. История Кизляра неплохо показывает, что фронт был скорее зоной взаимодействия на внутренней периферии Российской империи (с. 4). Говоря языком современной постколониальной теории, Кизляр и другие города-крепости Кавказской линии не столько отделяли империю от враждебного «Другого» (немирных горцев), сколько были точкой притяжения, соперничества и контактов русских, казаков, армян, горцев Дагестана и Чечни, наконец, кубанских (терских) казаков и караногайцев. Это удачное наблюдение стоило бы развить в Заключение к работе.

Автор неплохо знает и уместно цитирует литературу, но при этом в диссертации есть отдельные обидные пробелы. Не хватает работ Р.Э. Германа о городах-крепостях и формах торговли в регионе, в особенности его книги «Социальное и экономическое развитие Ставрополя в контексте геополитики России на Кавказе: конец XVIII в. — начало 60-х гг. XIX в.» (2017). Кизляр одно время входил в Ставропольскую губернию, поэтому наблюдения Германа для диссертации особенно важны. 4-я глава существенно выиграла бы, если бы автор учел в ней недавнюю кандидатскую диссертацию («Здравоохранение Дагестана (конец XVIII — первая половина XIX в.)». 2020) и статьи С.Б. Манышева. Ведь в последней главе диссертации также специально рассматривается история здравоохранения в Кизляре. Не хватает карт. Для закрытия этой лакуныгодились бы материалы А.А. Цуциева из «Атласа этнополитической истории Кавказа, 1774–2004» (2006 г., 2014 г.).

Следует отметить в успешной в целом диссертации А.А. Газиевой общую беду современного кавказоведения, особенно заметную в регионе. Это избегание теории и литературы на иностранных языках. Работы англоязычных историков и их русские переводы цитируются, но наиболее важные публикации упущены. Это книга покойного Т. Барретта (Th. Barrett) «At the Edge of Empire: The Terek Cossacks and the North Caucasus Frontier, 1700–1860» (1999 г.) и его переводная статья «Линии неопределенности: северокавказский «фронт» России», вошедшая во 2-й том «Американской русистики» (2000 г.). Барретт одним из первых применил для объяснения присоединения

Северного Кавказа к России концепцию фронта. От внимания диссертанта ускользнули также важные работы А. Каппелера (Kappeler) из Вены и А. Рибера (Rieber) из Будапешта.

В кандидатской диссертации присутствуют все необходимые структурные части квалификационных работ. Кроме введения и заключения она включает 4 главы и научный аппарат, включая оформленную согласно требованиям ВАК библиографию. Структура глав, заканчивающихся заключением, логична и удобна для читателей.

1-я глава характеризует общие стратегии и проекты российских властей империи и Кавказского края, а также их соперников из Османской империи, касающиеся Кизляра как первой из крепостей, построенных на востоке северокавказского фронта империи. Она вводит читателей в проблематику диссертации. К ней есть лишь одно замечание, касающееся и всей диссертации, в особенности глав I–III. В главе не всегда хватает конкретики в характеристиках заказчиков и авторов общих проектов империи о Кавказском крае и Кизляре, а также ответной реакции властей и общества Кизляра на вызовы имперской политики и ее соперников извне России. Однако у любых планов всегда есть автор, а в изучаемое время проекты должны были вырабатываться в том или ином имперском ведомстве.

Наиболее объемная (почти в треть всей работы) и центральная для диссертации глава – 2-я. Она говорит об экономической составляющей имперского фронта. В ней собраны и проанализированы яркие архивные свидетельства о меновой и транзитной торговле через Кизляр с трансрегиональными потоками, направленными с одной стороны в российское Закавказье, Ширван и далее в Иран, а с другой – в Поволжье через Астрахань. Неплохо охарактеризовано множество соперничавших и вместе с тем связанных друг с другом акторов торговли в регионе, включая горцев, горских евреев, купцов из Шемахи и Ирана, обосновавшихся в Кизляре армян. Автор во многом справедливо опирается на имперскую статистику, часть данных, которых, введенных в научный оборот ранее, специально не изучались с этой точки зрения. Вместе с тем, в главе не всегда хватает комментариев к источникам – в частности, к статистике из таблиц на с. 66-67, 83, к материалам о контрабанде (с. 61, 72) и работоторговле.

3-я глава рассказывает про место Кизляра в административной системе российского управления Северным Кавказом. Ее материалы хорошо показывают текущее, часто менявшееся пространство власти на периферии империи, где и сама столица края постоянно переезжала. Диссертант показывает, что историческое развитие городского пространства в Кизляре шло на фоне поглощения империей местных политических институтов власти и управления.

Глава выходит на актуальные для современной историографии теоретические проблемы, которые в работе, к сожалению, не развиты. В частности, она показывает, что перед нами случай слабого правового плюрализма на периферии империи. Имперские власти отказались тут от косвенного управления руками местных элит, как это было до 1860-х гг. в горном Дагестане и до 1840-х гг. в Закавказье, но временно легализовали правовые системы и обычаи местного населения, создав для него отдельные суды, работавшие в Кизляре как центре имперской власти в субрегионе. В этой главе содержится важные наблюдения о гибридной адатно-шариатской юстиции на периферии империи, участие в казачьей колонизации украинцев и горцев (с. 111).

4-я глава посвящена истории повседневности Кизляра, который, по убедительной гипотезе автора, превращается к середине XIX в. в заштатный уездный центр Российской империи. Особое внимание уделено развитию в городе-крепости здравоохранения и разных видов светского и религиозного образования для поликонфессионального и полиэтнического населения, в котором наряду с русскими и казаками важную роль играла армянская диаспора. Автор, верно, определяет роль медицины и школы как средств конструирования империей российского пограничья, аккультурации местных жителей и переселенцев из Закавказья. Глава выходит на актуальные в историографии темы посредников через военных переводчиков из терских ногайцев (с. 122) и социального бандитизма абреков (с. 124-126). Автору стоило бы развить в ней сюжет про кизлярских армян как посредников Российской империи в регионе. Ведь некоторые из них окончили Лазаревский институт в Москве и позднее работали переводчиками в администрации Кавказского наместничества. Раздел на с. 149-153 стоило бы выделить в отдельный параграф главы про ориенталистский дискурс в русской беллетристике и публицистике.

Заключение к диссертации написано удачно и живо, менее формально, чем его обычно пишут. Оно не дублирует Введение, но отвечает на все положения, выносимые на защиту (с. 34-36). Это – еще одно достоинство работы. Единственное замечание к этому разделу диссертации в том, что здесь автор не выделяет конца XVIII в., заявленного им же как *terminus post quem*, посвящая все внимание XIX в.

Не существует диссертаций без нареканий. Отдельные мелкие недочеты можно отметить и в рецензируемой работе. Не удачно искаженное написание арабского имени первого имама Дагестана и Чечни Гази-Магомеда, заимствованное из дореволюционных источников. На с. 65 при упоминании указа следовало сослаться на том из Полного свода законов Российской империи (ПСЗ), где он опубликован, а не на архивное дело. Имеются отдельные недочеты в библиографии и Введении. Некоторые нарративные источники

(№№ 17, 19-20, 74, 78) и травелоги (сочинения А. Дюма-отца и Н.И. Пирогова – №№ 85, 121) попали в историографию. Наоборот работу А. Беннигсена о шейхе Мансуре (№16) из источников надо перенести в литературу. На с. 164 не хватает названий дел из Научного архива ИИАЭ ДФИЦ РАН (№ 14).

Все высказанные выше замечания не носят принципиального значения и не умаляют отмеченных достоинств работы. Цель диссертационного исследования достигнута, и все поставленные во Введении исследовательские вопросы успешно решены. Основные положения диссертации апробированы на научных конференциях и отражены в научных публикациях, включая журналы, рекомендованные ВАК.

Автореферат точно отражает содержание диссертационного исследования и соответствует всем предъявляемым к нему требованиям.

Диссертация «Государственные стратегии и региональные практики в истории городского пространства Северо-Восточного Кавказа в конце XVIII – середине XIX века (на примере города Кизляр)» является самостоятельным и завершенным научным исследованием. Она соответствует паспорту специальности 5.6.1. «Отечественная история» (исторические науки) и отвечает требованиям пунктов 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Правительством РФ от 24.09.2013 г. № 842 (ред. от 16.10.2024 г.), предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук. Абидат Абдулаевна Газиева заслуживает присуждения ей ученой степени кандидата исторических наук.

к.и.н., заведующий

Центром изучения Центральной Азии,

Кавказа и Урало-Поволжья _____

/В.О. Бобровников/

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт востоковедения Российской академии наук (Москва)

Адрес: 107031, г. Москва, ул. Рождественка, 12

Тел.: 8(495) 621-18-84, 8(495)625-64-61, факс 8(495)623-19-09.

E-mail: www.ivran.ru , inf@ivran.ru , acadsecretary@ivran.ru

29 января 2026 г.

